
ВЛАСТЬ – ЭТО ТО, ЧЕГО ВСЕГДА НЕ ХВАТАЕТ. О ПРИРОДЕ И ТИПОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА, ТИПОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ И РЕЖИМОВ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ¹

С.А. Воронин

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена выяснению основных методологических подходов к исследованию проблемы политического лидерства, сформировавшихся в исторической науке и политологии. Автор рассматривает классификацию, феноменологию авторитетного лидерства, концепцию харизмы Макса Вебера, отдельно останавливается на типологии политических систем. Выступает против так называемого демократического транзита и глобализации мира под эгидой одного государства-монополиста.

Ключевые слова: Майрон, власть, Блондель, султанизм, лидерство, патримониализм, семейная харизма.

Проблема политического лидерства и его классификация

Без выяснения общей методологии и теории лидерства нам не представляется возможным охарактеризовать особенности этого феномена применимо к странам Востока. Это и является целью данной статьи, продолжающей рассуждение о специфике массового сознания, политической культуры и политического лидерства на Востоке.

Наличие лидера само говорит о том, что имеется субъект, обладающий более широкими полномочиями, нежели социальная масса, его окружающая. В целом эти расширенные полномочия и привилегированные права данного субъекта и формирует качество, неразрывно связанное с дефиницией «лидерство» – понятие власти. Именно власть на протяжении всей мировой истории являлась самым ценным достоянием человека, ибо получивший власть мгновенно возвышался над социумом и, выделившись из общей массы, становился руководителем (лидером) общественного значения или лидером локальной группы.

Власть есть субстанция, неизмеримая качественно-количественными характеристиками. Субъект никогда не в состоянии оценить, имеет ли он всю

¹ Продолжение. Начало см.: Вестник РУДН. Серия всеобщая история. – 2013. – № 3. – С. 8–22; 2013. – № 4. – С. 10–29. – 2014. – № 1. – С. 8–35.

полноту власти. Человек не может до конца насытиться властью. Власть есть то, чего всегда не хватает. Жажда власти есть один из главных рычагов исторического процесса. Р. Майрон подчеркивает: «Человеческая история, прежде всего, повествование о нашем стремлении управлять своим будущим, своей судьбой, а также будущим и судьбой других. Каждое сражение в каждой войне, большой или малой было результатом нашей ненасытной жажды власти и обладания» (1).

Современная политология определяет понятие власти как способности и возможности осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью авторитета, права, насилия (2).

Политическая власть возникает параллельно с рождением государства. Сущность власти в политико-психологическом аспекте, в особенности субъекта, облеченного властными полномочиями, – доминировать над окружением (индивидами, социальными группами и социумом), опираясь на специфические методы и средства.

Обращаясь к истории исследования проблемы политической власти, хотелось бы привести определения, данные М. Вебером и Т. Парсонсом. Вебер считал, что власть – это «возможность реализации собственной воли для личности или социальной группы, несмотря на сопротивление других сторон процесса» (3). Парсонс видел во власти «системно-функциональную связь, обеспечивающую возможность реализации функций управления одними субъектами по отношению к другим» (4).

Основными признаками, характеризующими феномен политической власти, являются:

1) способность, возможность и право оказывать воздействие на поведение и деятельность индивидов, социальных коллективов и общества, опираясь на авторитет, волю, право и принуждение;

2) политическое доминирование личности или группы лиц над социумом;

3) государственная система, состоящая из государственных лиц и государственных институтов, наделенных властно-правовыми полномочиями (5).

Таким образом, говоря о понятии политического лидерства, мы прежде всего подчеркиваем, что это есть власть. Власть может принадлежать одному или нескольким индивидуумам в зависимости от характера политического режима. Жан Блондель – известный французский политолог, профессор Европейского института во Флоренции отмечает: «Лидерство – всегда есть поведенческое (behavioural) понятие... Лидер – это тот, кто влияет на группу, независимо от того, является ли он формальной главой этой группы» (6).

Если политическая власть и политическое лидерство возникают параллельно с процессом возникновения государства как социального института, то лидерство в социально-психологическом плане является ровесником человечества, поскольку для возникновения и функционирования этого яв-

ния необходима группа индивидов. Наличие социальной группы автоматически приводит к выделению из ее недр авторитета, лидера, обладающего личностными свойствами, дающими ему право возглавить это социальное образование. Возникновение государства не трансформирует психосоциальную сущность лидерства, а лишь создает социально-политическое, правовое обоснование для персональной способности индивида влиять на политическое поведение социума. Лидерство характеризуется отношениями между ведущим и ведомым. Известный историк и политолог Р. Такер отмечает, что «лидерство – это указание направления, на которое... нацелено политическое действие» (7).

Лидерство как феномен тесно переплетено и синтезировано с понятием власти, поскольку именно власть – главный составной элемент лидерства. Ю.В. Ирхин констатирует: «Феномен лидерства – многоаспектное явление, требующее междисциплинарного подхода к своему изучению» (8).

Политическое лидерство имеет прямую зависимость и опирается на традиции и уровень политической культуры общества. При изучении политического лидерства как многоаспектного, многопланового феномена необходимо исследовать тесно связанные между собой компоненты лидерства, а именно – массы и массовое сознание, политические группы (элиты, выкристаллизовавшиеся из массы) и авторитеты (лидеры). Основными факторами, определяющими политическое лидерство как феномен, являются:

- 1) личностные качества и происхождение лидера;
- 2) характеристика индивидов и групп, над которыми он доминирует;
- 3) исторический контекст политического доминирования;
- 4) характер взаимоотношений между лидером и ведомыми;
- 5) конечный результат взаимодействия ведущего и ведомых (9).

Ж. Блондель отмечает неизбежный, универсальный характер лидерства, которое «так же старо как человечество» (10). По его определению, лидерство как таковое отличается от политического лидерства, несмотря на то, что оба явления порождены одним феноменом – властью. Он пишет: «Лидерство – это власть, потому что оно состоит в способности одного лица... находиться на “вершине”, заставлять других осуществлять то позитивное или негативное, что они не делали бы или, в конечном счете, могли не делать вообще» (11). Лидером становится тот, кто оказывается над массой, над социумом, над этносом или нацией, создавая мотивацию к движению, к изменению. Политическое лидерство – это власть, которая персонифицирована в личность или социальную группу, являющуюся локомотивом социально-экономического прогресса, побуждающего, принуждающего социум к действиям.

При всей синтезированности и комбинированности понятий «лидерство» и «власть», их тесной взаимосвязи и взаимозависимости следует понимать, что власть и лидерство – понятия отнюдь не тождественные. Власть – понятие более широкое и универсальное, а лидерство является специфиче-

ским, латентно-локальным родом власти. Власть – это правовое, институализированное явление. Лидерство – персонифицированный и социально-психологический феномен. Исполнение властных функций не всегда лидерство. Лидеры – это «реальные герои (или злодеи), а обладающие властными полномочиями – должностные лица, управленцы, политические “менеджеры (обычные люди)”» (12). Такова дихотономия политического лидерства и власти.

М. Бернс и Дж. Макгрегор подразделяют политических лидеров на преобразователей, предпринимающих все во имя реализации своих воззрений, и дельцов, которые не формируют глобальный подход в виде конечной цели развития, а действуют здесь и сейчас, решая насущные задачи (13). Правоммерно, на наш взгляд, назвать вышеназванные категории лидеров стратегами и тактиками политического процесса.

Типология и классификация политического лидерства базируется, прежде всего, на степени влияния, оказываемого конкретной личностью. Признавая важность изучения личности в феномене политического лидерства, не следует придавать чертам личности и психологии политического лидера универсальный, все объясняющий характер. Не следует забывать об институциональных особенностях (прежде всего о природе политического режима), влияющих и формирующих политическое лидерство как феномен.

Биографии политических лидеров, детально анализирующие личностные качества, оставляют, тем не менее, весьма туманной взаимосвязь личных качеств лидера и его влияния на массы. Исследователи – психологи и историки – предприняли целый ряд попыток комплексного изучения социально-политических процессов и психологии лидеров, основываясь на событиях, произошедших в детстве и юности будущих политических деятелей (14).

Однако апологетика индивидуальных качеств, претендующих на универсальный характер объяснения природы политического лидерства, пока остается непропорциональной и до конца научно необоснованной. Современный уровень исследований не выявил четких закономерностей, конкретного контура влияния детских впечатлений на психологический портрет лидеров.

Но фундаментальные исследования общей психологии указывают на то, что ранняя социализация оказывает решающее воздействие на формирование личности индивида. Социализация в семье, школе (отношения с ровесниками и наставниками) формирует личностную модель поведения, нацеленную на достижение результата. Но психология, социология и история пока не создали всеобъемлющую методiku анализа, доказывающего правомочность опоры лишь на личностные качества лидера, без учета других компонентов явления.

Не вызывает сомнений, что психология личности является базой, отправной точкой для анализа проблемы политического лидерства. Детальное изучение происхождения, детства и юности, условий социализации будущих лидеров, безусловно, позволяет получить важнейшие данные о том, как ге-

нетические и приобретенные в результате воздействия воспитания индивидуальные качества и черты развиваются, усиливаясь или ослабляясь, прогрессируя или деградируя. Акцентируя внимание на чертах личности, исследователи получают, как правило, размытую модель характеристики личности лидера. Так, к примеру, Б. Бэсс осуществил классификацию 40 компонентов – психологических черт лидеров, которые объединил по шести основным группам:

- физические данные;
- социальное происхождение;
- интеллект;
- личностные данные (психологические черты);
- социальные характеристики (взаимосвязь: лидер – массы);
- административные данные (15).

Анализ природы политического лидерства позволяет выделить в этом явлении три подхода.

1. Личностно-психологическая концепция. Опирается на психологию лидера, набор его личных качеств и характеристик. В основе концепции лежит учение З. Фрейда о подавлении либидо, трансформирующееся в стремление к властвованию, лидерству. А. Адлер и Г. Лассуэл рассматривают лидерство как компенсацию комплекса неполноценности, возникшего в детстве (16). Ф. Ницше полагал, что воля и пренебрежение духовными и моральными ценностями – основа сильного авторитетного лидера (17).

2. Бихевиористский подход. Э. Богардус и К. Бирд отстаивали концепцию «черт лидерства», пытаясь создать обобщенную модель обязательного набора психологических черт, необходимых для лидерства (18).

3. Функционально-ситуативная концепция. Лидерство рассматривается как результат конкретно-исторической ситуации. Ф. Фидлер и А. Голднер предложили методику такого анализа (19).

Приведенная типология основана на синкретичности анализа явления политического лидерства и рассматривает, на наш взгляд, важные, но фрагментарные сегменты целостного феномена. Предпринимая попытку общей классификации политического лидерства, видимо, необходимо опереться на следующие параметры, которые и должны стать системой навигации в исследовании столь многомерного и многослойного социально-политического феномена.

1. Тип политического лидерства определяется уровнем цивилизационного развития. Многообразие цивилизаций присуще многообразие типов политического лидерства. Цивилизация – интегрированная модель, «ансамбль стилей» (20), понимаемый как сумма уникальностей, национально-культурных и исторических традиций, способов передачи и воздействия на социум и индивида. Такая интерпретация понятия «цивилизация» основывается на культурном релятивизме, смещает акценты от формационного развития (в основе идея прогресса в соответствии с 5 ступенями) к «структуре

культурной традиции» (21). Цивилизационная принадлежность, опирающаяся на «большую» и «малую» традиции, определяет и тип лидерства. Цивилизационные условия крайне важны для формирования политического лидерства.

2. Тип политического лидерства зависит от социальной картины общества, от того, интересы каких социальных групп отражает данное лидерство.

3. От психологических черт и приобретенных способностей.

4. От размеров, формата реализации властного потенциала: локальное – общегосударственное – региональное – мировое (как макрозадача) лидерство.

5. По характеру взаимодействия с конкретной политической системой: функциональный – стабилизирующий – дисфункциональный (22).

6. По целям и подходам (стратегии и тактики).

7. По стилям и способам реализации лидерства: авторитарный – тоталитарный – демократический.

8. По типам легитимации (по видам социально-политических доктрин).

Концепция «харизмы» Макса Вебера

Типология политического лидерства, исследование политической власти и концепция «харизмы», разработанные Максом Вебером, внесли основной вклад в анализ феномена лидерства. М. Вебер (1864–1920 гг.) – крупнейший мыслитель XX в., историк и социолог, энциклопедически образованный исследователь, сфера интересов которого простиралась от политэкономии, юриспруденции, социологии до философии, религии и истории, разработал принципы познания феномена политического лидерства и осуществил его типологию.

Государство, по Веберу, является институтом, обладающим монополией на легитимное насилие. Там, где этого нет, нет и государства, существует пацифистский анархизм (23). Легитимация власти – процесс социального признания ее природы и функций, оправдания и обоснования притязаний лидера в соответствии с цивилизационными доминантами. Она, как представляется, является продуктом социальной рефлексии авторитета в массовом сознании. Как отмечает Ю.В. Ирхин, «легитимность коренится в политической культуре населения и означает соответствие ее устройства ценностным представлениям граждан» (24). Процесс легитимации лидерства может осуществляться путем опоры на ценностные установки идеального, абсолютного, абстрактного порядка (справедливость и т.п.); на традиции социума и группы; на тактические утилитарные задачи (преодоление политических, экономических проблем и кризисов и т.п.).

Легитимность базируется на типах социального поведения:

1) нравах (привычных стандартах поведения, присущих определенным социальным группам);

2) обычаях (фактических, укоренившихся образцах поведения, существующих длительный период) (25).

Вебер вводит понятие «легитимный порядок», отмечая, что легитимность порядка может быть гарантирована внутренне и внешне.

1. Внутренне:

- эмоциональной преданностью (аффективно);
- ценностно-рационально (верой в абсолютную значимость порядка);
- религиозно (верой в зависимость блага и спасения от сохранения данного порядка).

2. Внешне:

- легитимность гарантирована ожиданием специфических внешних последствий (26).

М. Вебер выделил типы легитимного порядка – условность и право. Социальная и индивидуальная значимость условности гарантируется общественным мнением, обычаем (одобрение, порицание и т.п.) Это внутренняя сущность легитимного порядка. Его внешняя сторона – право, гарантирующее порядок, механизм принуждения (27). Он также осуществил типологию лидерства, базируясь на способах, типах легитимации власти, выделив три вида легитимности.

1) авторитет «вечно вчерашнего», подразумевающий авторитет нравов, опирающихся на исконную значимость и привычную ориентацию. Традиционное господство;

2) авторитет вне обыденного уникального личного дара, благодати (харизмы), основанный на полной личной преданности и доверии масс лидеру, вызываемой наличием качеств вождя (власть пророка, властителя, выдающегося демагога, вождя политической партии и т.п.). Харизматическое господство;

3) авторитет, опирающийся на силу легальности, то есть веру массового сознания в обязательность легального установления власти, обоснованной рационально созданными правилами (28).

В основе типологии Вебера лежит классификация авторитета, осуществляющего властвование. Лидерство понимается как способность отдавать приказы и вызывать повиновение. Традиционное господство – это власть племенных вождей, монархическая (наследственная власть). Тип лидера, присущий этому виду легитимности – вождь-охранитель. Харизматическому господству свойственен тип вождя-основателя (пророка). Легальное господство порождает тип вождя-реформатора (29), менеджера, ангажированного политической системой.

Конечной целью исследования М. Вебера являлось определение взаимосвязи между типами власти (легитимного правления) и типами лидерского правления. Итогом стало тождество между выявленными типами легитимного порядка и типами политического лидерства. Вебер классифицировал политическое лидерство как:

- 1) традиционное;
- 2) рационально-правовое;
- 3) харизматическое.

В чистом виде эти типы политического лидерства встречаются на практике редко. Как правило, лидер синтезирует типы легитимации, выделяя существенную доминанту. Вебер охарактеризовал каждый из выделенных типов, структурировав их на виды.

I. Традиционное лидерство. Базируется на вере в вечность и священность существующего порядка. Лидер обязан следовать традициям. В противном случае массы могут отказать ему в легитимности. Однако вне поля, ограниченного традиционными ценностями, лидер может принимать персональные решения волевого характера. Традиционная власть в таком лидерстве включает в себя два компонента. Она опирается на традиции и ограничена ими. Она базируется на представлениях о справедливости в случае регламентации вопросов, находящихся вне компетенции традиционных ценностей.

Опираясь на соотношения элементов власти, Вебер выделил четыре вида традиционного лидерства.

1. Патриархальное.

Всецело зависит от традиций, традиционная власть в чистом виде.

2. Патримониальное.

В некоторой степени свободно от традиционных установок. Возникает в периоды потребности в формировании институтов управления захваченными территориями. Чем масштабнее размеры захваченных территорий, тем больше властных полномочий передается лидером местным административным органами.

3. Султанизм (восточный вариант развития патримониализма).

Связан с централизацией власти, при которой бюрократический аппарат формируется из представителей социальных низов, всецело зависимых от воли политического лидера. Власть носит наследственный характер, лидер свободен от патриархальных традиций.

4. Феодализм.

По Веберу, западная разновидность позднего патримониализма. Административный аппарат формируется из местной знати, создается сословие нотаблей, которые не нуждаются в оплате своих управленческих функций. Порождается децентрализация власти. Возникает сильная власть на местах в лице крупных латифундистов, исполняющих роль посредников между центральной властью и массами. Лидер обладает возможностью делегировать ряд властных полномочий и привилегий нотаблям. При этом отношения выстраиваются на правовой основе. Согласно взглядам Вебера, по этой причине феодализм можно считать ступенью к легальному типу лидерства, к формированию рационального типа властвования.

II. Рационально-легальное лидерство.

Возникает и функционирует при условии формирования универсальных, обязательных для всех членов социума регламентирующих норм социального поведения и управления. Существуют государство и конституция. Бюрократия осуществляет контроль за исполнением законов. Сущность легальной власти, опирающейся на бюрократический аппарат, по словам К. Маркса, заключается в том, что бюрократия «имеет в своем обладании государство... это есть ее частная собственность» (30). Административно-управленческий аппарат, консолидированный на основе общих корпоративных интересов, обладающий влиянием на механизм принятия политических решений, реализующий свои корпоративные задачи, превращается в активного политического субъекта.

III. Харизматическое лидерство (наименование происходит от греч. «charisma» – благодать, дар Божий).

Базисом этого типа политического лидерства являются «сверхъестественные» способности индивида, которые дают ему возможность стать вождем, пророком, лидером. Как правило, согласно Веберу, возникает в кризисные периоды в условиях концентрации всех социальных сил. Сущность харизматического лидерства – в опоре на эмоциональную составляющую, абсолютную поддержку масс. Основная задача – трансформация существующего порядка и установление нового. До тех пор, пока харизматический авторитет подтверждает свою исключительность перед массовым сознанием, массы подчинены его влиянию.

Власть харизматическая носит персонифицированный характер. Она не может быть переданной наследственным путем. В ряде случаев уникальный набор личностных качеств харизмата экстраполируется на его ближний круг родственников. Так искусственно формируется «семейная харизма» (31). Эти способности недоступны «обыкновенным», средним людям. Происходит обожествление данной личности, ее качества рассматриваются как эталонные, и на основании этого данный индивид считается лидером.

Итак, харизматический тип лидерства основан на вере в исключительные свойства лидера. Индивид, по существу, утрачивает естественно биологические формы и свойства, превращаясь в ирреальный божественный абсолют – непогрешимый и никогда не ошибающийся. Харизматический тип лидерства предполагает иррациональную и безусловную веру в лидера, слепое подчинение его приказам, базирующееся на социальном страхе и инстинкте самосохранения.

Безусловная вера в лидера ведет к безусловному доверию ко всем его политическим действиям и маневрам. Наиболее распространенными качествами харизматического лидера являются магические или пророческие способности, военное мужество, стремление к внешним эффектам, политическому эпатажу. Магнетизм лидера так силен, что под его воздействием социум на определенном, незаметном для него самом этапе, утрачивает и во-

лю, и сознание. Личности разрушаются, общество атомизируется. Рациональные единицы сообщества превращаются в локально-эмоциональные единицы, становятся политическими сомнамбулами. Они подчиняются гипнотической силе воздействия лидера, который, как и положено ему, предписывает им, о чем думать, с чем считается и как действовать.

Следует отметить, что само понятие «харизмы» было заимствовано Вебером у Роберта Зома, исследователя раннехристианских общин.

Для Р. Зома харизма есть мистический дар пророка. Для Вебера – сверхчеловеческие, надбиологические свойства индивидуальности, которые дают ей возможность подчинения своему влиянию больших социальных групп людей. По Веберу, обладание харизмой есть призвание быть вождем.

Напомним, что М. Вебер в своих исследованиях никогда не давал специального объяснения термину «харизма», ибо считал, что это не имеет никакого значения.

Таким образом, неважно, что есть харизма, а важно отношение к ней соратников и последователей. При условии признания суммы качеств политического деятеля харизматическими их носитель возводился в ранг харизматического лидера. Но при этом лидер обязан доказывать ежечасно и ежедневно свою харизматическую миссию. При условии вхождения лидера в полосу неудач его харизма может исчезнуть. Этот тезис находит свое подтверждение, к примеру, в традициях яванской политической культуры. «Если лидер на протяжении долгого периода не пользуется успехом, тем более если его руководство не приносит пользы его последователям, харизматический авторитет может исчезнуть», – отмечает Вебер (32).

Итак, согласно теории Вебера, харизма – это некие индивидуальные свойства личности, которые позволяют окружению оценивать ее как исключительную, наделенную сверхъестественными качествами личность. В качестве тождественно-смыслового понятия, объясняющего и заменяющего термин «харизма», Вебер употребляет слово «beruf» (нем. яз. «призвание»). Харизмат, в соответствии с этим смысловым прочтением, является, по Веберу «человеком... внутренне “призванным” руководить людьми. Они подчиняются ему не в силу обычая или закона, а потому что верят в него» (33). Слово «beruf» может быть переведено и как призвание, и как профессия. Анализируя идейное содержание протестантизма, М. Вебер уяснил, что смысловая двусмысленность не является случайной. Она вырастает из понимания профессии как божественного призвания (34).

Исследуя феномен харизматического лидерства, Вебер акцентирует пристальное внимание на пророках, религиозных деятелях, при этом упоминая и светских лидеров. Он основывается на психологических трансцендентных свойствах личности – «сверхъестественные качества», «божественное призвание».

По существу, рассматривая трансцендентное в харизматическом лидерстве как базисное, Вебер остается погруженным в сферу религии. Поэтому

ряд исследователей закономерно задавались вопросом подобно К. Фридриху: «Справедлива ли генерализация термина “харизма” путем его расширения за счет светских и нетрансцендентных типов признания?» (35)

Осуществив типологию политического лидерства, исходя из способов легитимности, Вебер не применил ту же систему координат для феномена харизматического лидерства, оставшись в запутанных лабиринтах трансцендентности.

Как видится, это с успехом осуществила последовательница веберовской теории – А. Уиллнер, которая пришла к умозаключению, что «харизматическая власть основана ни на статусе, ни на должности, а проистекает из способности конкретной личности вызывать и поддерживать веру в себя как источник легитимности». (36) Объектом действия и рефлексии харизмы является исключительно личность лидера с совокупностью свойств, ему присущих. По словам Ж. Блонделя, «аромат и сила харизмы в ее иррациональности, это причащение, когда вера шире, чем принадлежность к конкретной церкви» (37). По Веберу, харизматическая власть базируется «на личной преданности, харизме, святости или эталонности отдельно взятой личности, приказах, отдаваемых ею» (38).

В общем-то, сам понятийный аппарат Вебера (его обращение к некому индивидууму, наделенному «благодатью») указывает на то, что его понятие «харизмы» базируется на религиозных корнях. А. Швейцер, продолжая веберовскую традицию исследования харизмы, подчеркивает, что наделение личности качествами Абсолюта не есть главное содержание в понятии харизмы. Основное в харизме, по Швейцеру, – природный талант отдельного человека, его «вера в призвание может занять важное место, и она будет не божественного происхождения, а ниспослана судьбой» (39).

Вебер рассматривает феномен харизматического лидерства, полагаясь на два неотъемлемых качества этого явления: исключительные свойства личности и время исторических пертурбаций, социально-экономических изменений (кризисов и т.п.).

По мнению Блонделя, подобные условия, рассматриваемые как необходимые для функционирования харизматического авторитета, локализуют подход Вебера, укладывая его в прокрустово ложе социологии. Вебер «не рассматривает персонализацию власти как общий феномен... не дает никаких ориентиров относительно того, когда связь лидера и последователей ослабевает, когда она носит интеллектуальный и рациональный, а не эмоциональный характер» (40). Он оставил без внимания потенцию развития харизмы как социологического и политического феномена, по пути от авторитета к институализации и рутинизации этого явления.

Однако несомненная заслуга Вебера в типологии лидерства и создании теории харизмы не подлежит сомнению. Идея «харизмы», сформулированная и введенная в научный оборот немецким ученым, определила развитие

исторических, социологических и политических исследований всего XX и начала XXI в.

Феноменология авторитетного (харизматического) лидерства в социальной психологии

Рассматривая взаимоотношения толп (массового сознания) и вожаков (лидеров), Гюстав Лебон ввел понятие «обаяние». Как известно, массовое сознание не обладает способностью к рациональному анализу событий и явлений. Идеи либо отбрасываются, либо принимаются, всецело овладевая массами. Убеждения, присущие массовому сознанию, принимают, согласно Лебону, специальную форму, называемую «религиозным чувством» (41). Это чувство переносится на личность лидера. Параметры «религиозного чувства» таковы:

- обожание предполагаемого верховного существа;
- боязнь приписываемой ему магической силы;
- слепое подчинение его велениям;
- невозможность оспаривать его догматы;
- желание распространять их;
- стремление видеть врагов в тех, кто не признает их (42).

В этом чувстве основой являются сверхъестественные ощущения чудесного, непостижимого разумом. Лебон пишет: «Толпа бессознательно награждает таинственной силой политическую формулу или победоносного вождя, возбуждающего в данный момент ее фанатизм» (43). Объект поклонения масс становится для них Богом. Возникает краткосрочная во времени новая религия и ее пророк, вождь. Г. Лебон отмечал: «Лишь только известное число живых существ соберется вместе, все равно, будет ли то стадо животных или толпа людей, они инстинктивно подчиняются власти своего вождя... Вождь... сначала сам был в числе тех, кого ведут: он так же был загипнотизирован идеей, апостолом которой сделался впоследствии. Эта идея до такой степени завладела им, что все вокруг исчезло для него, и всякое противное мнение ему казалось уже заблуждением и предрассудком» (44).

Массовое сознание всегда является объектом подчинения личности, обладающей сильной волей и умеющей воздействовать на массы. Власть этих личностей (вожаков, лидеров) деспотична, но «именно этот деспотизм и заставляет ей подчиняться» (45). Для того, чтобы массы прониклись идеями вожаков, лидеры применяют, по мнению Лебона, следующие способы: утверждение, повторение и зараза (46).

Утверждение лишь тогда действительно, когда оно повторяется часто и в одних и тех же выражениях, до тех пор, пока не водворяется в умах так прочно, что в итоге принимается как истина, не требующая доказательств. В массовом сознании идеи, чувства, эмоции, верования получают мощный импульс распространения – заразы. Таинственная сила, которая позволяет

личности внушать толпе идеи, вызывать восторг и преклонение, именуется Лебоном «обаянием». Люди или идеи, подчинившие себе мир, господствовали над ним преимущественно благодаря этой непреодолимой силе, именуемой обаянием. Обаяние выступает в роли силы, парализующей все критические способности индивида, и наполняет его душу удивлением и почтением (47). Это магнетизм личности, воздействующий на массовое сознание, несмотря на различия в социальном статусе, не требующий специальных средств для утверждения своего господства. Массы повинуются лидеру «как хищные звери укротителю, хотя они легко могли бы его разорвать» (48). Обаяние лидера, согласно взглядам Лебона, подразделяется на два вида: обаяние личное и обаяние приобретенное, магнетизм личности и магнетизм социального статуса и образования (49).

Выявив религиозный характер воздействия вожаков на массы с помощью «обаяния», понимаемого как магнетизм личностных качеств, Лебон подошел вплотную к веберовскому понятию «харизмы».

Крайне важно отметить, что религиозный характер этого феномена понимается Лебоном с точки зрения его социопсихологической значимости, его воздействия на массы.

Лебон равнодушен к содержательной стороне религии, ибо эта сторона не имеет решающего значения для его анализа. Ему важно не содержание, а уровень и характер воздействия. Он писал: «Религиозными бывают не только тогда, когда поклоняются одному божеству, но и когда все способности своего ума, весь пыл фанатизма ставят на службу делу или человеку, ставшему целью и вдохновителем чувств толп» (50).

В феномене харизматического лидерства присутствует синтез личностных качеств лидера и исторические традиции, на которые обращена коллективная память массового сознания. Человечество веками хранит традиции, подчеркивающие связь харизматического вождя с массами. Это проявляется в церемониале. Тард акцентирует внимание на том, что «акт совместной еды и общий культ по отношению к одному предку... эти явления... объясняют нам, почему касты, корпорации, античные города придают такое важное значение комменсализму (сотрапезничеству), периодическим товарищеским братским банкетам и выполнению погребальных ритуалов» (51).

В этой тотемической трапезе отражается генетическая память об Отце, живущим в их сознании. Это гениальная гипотеза была предложена З. Фрейдом. Он раскрыл «первобытный секрет». Совместная трапеза – это акт поминовения события первостепенной важности – убийства первобытного Отца его детьми. «Всякая человеческая эволюция начинается этим доисторическим событием, которое она продолжает искупать, и воспоминание, о котором периодически возвращается, – пишет С. Московичи – в конечном счете, это единственное, что обнаруживается в нашей психической жизни. Оно образует ядро психологии масс» (52).

Анализу харизматического лидерства посвящена работа З. Фрейда «Моисей и монотеизм».

По мнению Фрейда, тяга к сильному, решающему все и за всех лидеру не случайна. Эта традиция берет свои истоки с эпохи патриархата, когда наиболее рациональным вариантом мироустройства для управления родом являлось существование Отца-диктатора, который подавлял любое проявление индивидуальности и вершил «единоличный произвол». Несмотря на это он был «любим и обожаем» своими детьми. Первобытный отец являлся образцом для подражания каждого, стандартом, знаком качества социального миропорядка. Однако царство деспотизма «одного против всех» привело к накоплению ненависти по отношению к Отцу. Возмущенные подавлением сыновья, объединившись, убили Отца. А образ Отца заменили тотемом. Фрейд пишет: «Люди всегда знали, что у них был первобытный отец, и что они убили его» (53).

По Фрейду, Всемогущий Отец держал окружение в постоянном ужасе, не вынося никаких попыток проявления чужой воли, входящей в противоречие с его авторитетом. Он требовал тотального подчинения. Его мнение и желание носили характер приказа. Отец являлся идеалом могущества и эталоном личностных качеств каждого, поэтому он был любим и обожаем всеми. Правление Всемогущего Отца было деспотизмом одного против всех. При всеобщем обожании накапливалась всеобщая ненависть против того, кто подавлял желания и волю других. Синергетический эффект привел к заговору против архаичного деспота. Убив своего Отца, сыновья совершили совместную трапезу, съев его и скрепив союз кровью.

Как отмечает С. Московичи, комментируя выводы З. Фрейда: «Ничто так не связывает людей, как преступление, совершенное сообща» (54). Это событие и положило начало тотемическим трапезам в истории социумов. Возрождая эту первобытную традицию, они меняют лишь объект трапезы. Тело Отца заменяется животными, тотемом.

После убийства Отца меняются основы легитимации в социальных образованиях (род, семья, племя). Авторитетное господство заменяется порядком, основанным на дисциплине (т.е. на законе). Понятие закона обязано своим рождением матерям, целью которых было придание направления инстинктам своих сыновей. Женщины были заинтересованы в прекращении бесконечного насилия, в ограничении физической власти социальной контрвластью (55). Фрейд писал, что «большая часть могущества, высвобожденного в результате смерти Отца, перешла к женщинам, и это было время матриархата» (56).

Таким образом, легитимное лидерство является признаком, указывающим на отсутствие харизматического авторитета, – Отца. Всякий раз в истории человечества фантом убиенного Отца (в виде харизматического лидера), возникающий и начинающий действовать, лишает власть рационально-легитимного обоснования, подчиняя всех и вся своему тотальному деспотизму.

Продолжая линию исследования Лебона, Тарда, Фрейда, Вебера, психологию харизматического вождя анализирует С. Московичи. Для того, чтобы понять, какое влияние оказала концепция харизмы Вебера на современную социологию, позволим себе привести пространную цитату С. Московичи. Он пишет: «Анализируя портрет вождя, который рисует Лебон, Тард, Фрейд, испытываешь странное ощущение. Под одним углом зрения этот портрет кажется правдоподобным. Он соответствует фактам, описанным историей. Под другим углом зрения – это всего лишь лубочная картинка, доведенная до крайности, карикатурная. ... В самом деле, разнообразие лидеров таково и соответствует столь различным типам власти – что невозможно их свалить в одну кучу. Как отнести их к одному классу, если не найдена для них черта, но предполагается, что она существует?» (57)

Общим признаком, объясняющим характер воздействия лидера на массы, и является харизма – феномен, открытый Вебером. Развивая концепцию Вебера, французский ученый называет харизму лидера даром, действующим как символическое плацебо, который оказывает эффект носителя на контактирующую сторону (58). Он проводит аналогию харизмы и медицинского препарата, который излечивает не в силу свойств ему присущих, а в связи с верой пациента в его чудодейственные качества. Харизма основана, в большей степени, на верованиях массового сознания, нежели на личных характеристиках лидера. Согласно Московичи, харизма как власть иррациональная одновременно является и благодатью, и стигматом. Эти признаки и привлекательны, и угрожающи. Иррациональная природа харизмы вызывает в массах противоречивые чувства: любовь и ненависть, вызов и отвращение. Но всегда порождает эмоциональный подъем, приводит массы в действие.

Условия для генезиса и формирования харизматического лидерства – это серьезные социальные деформации, кризисные явления. Массы начинают поиск личности, способной повлиять на ход событий (это происходит на бессознательном уровне). Возникает необходимость «перевернуть существующий порядок, ощущаемый как беспорядок, и привести все общество к настоящей цели», – пишет С. Московичи (59). Формируется властный вакуум. В условиях безвременья необходим лидер, обладающий харизмой.

Основными предпосылками возникновения харизматического лидерства являются кризисные деформации и признание авторитета лидера массами (60).

Московичи, исследуя природу харизмы лидера, не видит существенной разницы между понятиями «авторитет» и «харизма». У харизмы более выраженной является трансцендентная сущность, а у авторитета – эмоциональная. По сути дела, теория авторитета стала питательной средой для веберовской концепции «харизмы».

Авторитет, харизма как феномены не подвержены социопсихической эрозии. Лебон, отмечая распространенность авторитетного лидерства, писал: «Тип героя, которого любят толпы, всегда будет типом Цезаря. Его блеск соблазняет их, его авторитет им импонирует, а его меч внушает страх» (61).

Московичи задается вопросом, каковы взаимоотношения лидера и массы, что лежит в их основе и делает их возможными? В соответствии с его концепцией харизма как феномен обладает свойствами воскрешения прошлого, пробуждения чувств и образов, скрытых в сознании, но оживляемых исторической памятью, традицией. Союз с подсознательным миром образов и воспоминаний вызывает реакцию повиновения масс лидеру (62). Впечатления прошлого сохраняются в психической жизни масс в форме мнестических следов. Они подвержены восстановлению и оживлению (63).

Харизма относится к числу материй, существовавших, как доказал З. Фрейд, в архаичные времена. Она возрождается и исчезает, чтобы возродиться вновь. Лица и ситуации прошлого, по мнению Московичи, принимают в нашей психике форму *imago* – наглядных представлений, подобно картинкам Эпиналя (64), они создают эффект присутствия отсутствующему, упрощая его характеристики. Отсутствующие – это те, с которыми индивиды и коллективы, социальные группы себя идентифицируют (семья, нация, социально-экономические явления, войны и т.п.).

Исследователи Ж. Лаплани и Ж. Понталис отмечают свойство «имаго», которое может объективизироваться, с одной стороны, в эмоциях и поведении, с другой – в образах (65). Историческая память, традиция, живущие в подсознании масс, конвенционализируют мысль, персонаж, историческую реальность. Конвенционализация, согласно определению Московичи, – высвобождение памяти подсознания от контрастов и оттенков, стереотипизация, мифологизация действительности и личности. Мифологический стереотип снабжается эмоциональной силой, именуемой «соблазном ностальгии» (66). Харизматический лидер использует в своей деятельности специфическую конструкцию – «воскресение имаго», которое проявляется во внезапном, глобальном оживлении ситуаций и персонажей прошлого (67).

Вывод Московичи базируется на анализе Вебера, отмечавшего, что «обладание харизмой всегда предполагает возрождение. Возрождение образа, который масса узнает» (68). Будущее всегда из прошлого. «Воскресения имаго» представляется, согласно Московичи, как гипотетический, условный механизм, сравнимый с фантомными полями в физике, который позволяет увидеть преэминентность идентификаций в истории человечества (69).

Социальная психология, изучая феномен харизматического лидерства и механизм его взаимодействия и воздействия на массовое сознание, прошла путь от понятия «обаяние», введенного Лебоном в конце XIX в., до современных исследований этого многомерного феномена, названного харизмой. Параметры исследования были заданы немецким социологом Вебером в 20-е гг. XX в., но остаются актуальными по сей день.

Таким образом, существуют три типа политического авторитета: традиционный, рационально-легальный и харизматический. Формирование харизматического авторитета всегда происходит в условиях «*no man's land*» (без-

времени) в периоды кризисов общества. Харизматические лидеры призваны историей положить конец прежнему социальному миропорядку и формальным лидерам. Именно так произошло в Иране, где беспомощный режим шаха сменился на эмоционально насыщенное правление Хомейни. Слом социального уклада – одно из основных предназначений харизматического лидера. Именно эти задачи и решали лидеры афро-азиатского региона в период «парада суверенитетов».

Основным инструментом наращивания своего политического капитала лидеры, чья власть основана на авторитете, избирают ориентиры прошлого. Происходит глобальное оживление ситуации и персонажей из прошлого, «воскресение имаго». Следует заметить, что лидер не спекулирует и не провоцирует общество призывами о возрождении «золотого века» Отца. Он лишь использует те настроения, скрытые чаяния, которые смутно присутствуют в памяти массового сознания. Садат, призывая возродить былую мощь Египта, апеллировал к фараоновским временам, Хомейни – к славным временам зарождения ислама и пророка Мухаммада.

Сила харизматического лидера – в опоре на широкие массы. Именно для них он должен быть человеком в сером мундире без золотых эполетов, таким же, как и они. Как не парадоксально, но в большинстве случаев осуществления харизматической власти сами лидеры убеждают себя в обожаении со стороны верноподданных. Так, например, Саддам Хусейн был склонен к экстравагантным и неожиданным встречам с гражданами своей страны. Он любил пообщаться с мальчиком, идущим в школу, проводить до дома старика. Нередко он рано утром посещал выбранную наугад квартиру, позавтракать с людьми, заглянуть в холодильник и велеть принести то, чего там не хватает. Он любил раздавать подарки простым людям. Один раз в неделю Хусейн лично принимал посетителей и без промедления выносил вердикты (70).

Как следует, основным для индивида становится желание оказаться рядом с объектом своего восхищения, прикоснуться к своему лидеру. Для харизматического авторитета главным достоинством подчиненных остается личная преданность лидеру. Недостаточно в условиях харизматического правления быть лояльным к режиму и лидеру, необходимо быть преданным им. Харизма вождя должна, безусловно, признаваться всеми.

В целом для харизматического лидерства характерны следующие особенности:

- харизматический авторитет всегда носит персонифицированный характер;
- харизматический авторитет и его эпигоны объединены в тесную эмоционально-чувственную сферу;
- харизматический авторитет противопоставлен иным «рутинным» формам авторитета.

Типы политических систем и режимов. Функционально-ролевой подход

Иоганн Готфрид Гердер в «Идеях к философии истории человечества» заложил основы представлений о политических системах современности, понимая формы правления как установленные среди людей порядки, наследуемые традицией. В качестве основы первых форм правления он видел порядок, установленный в семье (71).

Природа воспитывает людей семьями, а потому самым естественным государством, по мнению Гердера, является такое, в котором живет один народ, с одним присущим ему национальным характером, ведь народ – такое же естественное растение как семья (72). В сущности, он сформулировал приоритеты и ценности национальных государственных образований.

Понятие формы правления входит в более широкое понятие «политическая система», понимаемая современной политологией как форма взаимодействия субъектов политики, которая организует в определенную совокупность политические отношения (73).

Выделяется три типа политических систем, то есть способов их организаций и функционирования, которые давно стали хрестоматийными.

1. Авторитарный.
2. Тоталитарный.
3. Демократический.

Краткая характеристика их основных параметров такова.

1. Авторитарный тип:

- центростремительная концентрация политической власти;
- исполнительная власть обладает расширенными полномочиями;
- ограниченное участие в политическом процессе оппозиционных партий и сил;
- контроль за поведением общества;
- исключение выборности органов власти;
- ограничение прав и свобод личности.

2. Тоталитарный тип:

- полная регламентация всей жизни социума;
- сверхцентрализация политической власти;
- принадлежность всей полноты власти одному лидеру;
- персонификация и мифологизация власти;
- однопартийная основа политической реальности;
- тотальное подчинение всех государственных властных институтов лидеру;
- полная ликвидация плюрализма, оппозиции;
- регламентация всех сторон жизни общества, включая личную жизнь граждан;

- формирование и насаждение безальтернативной официальной идеологии;
- тотальный контроль над СМИ;
- мифологизация массового сознания.

3. Демократический тип:

- включенность в политический процесс всех граждан;
- государственные гарантии соблюдения прав и свобод личности;
- многопартийность и плюрализм мнений;
- выборность органов власти на альтернативной основе.

Следует отметить, что вышеперечисленные типы являются результатом чистоты политического эксперимента. В чистом виде они практически не встречаются. Как правило, это синтез авторитарности и демократизма либо сложная подструктура подвидов в каждом из трех типов. В демократическом типе политической системы выделяется элитарно-демократический, народно-демократический, революционно-демократический; в авторитарном – популистская или президентская формы; в тоталитарном – левоэгалитарный, правоолигархический (74).

С понятием «политическая система» тесно связано представление о политическом режиме – «совокупности применяемых властями средств и методов, сложившихся отношений государственной власти и общества, господствующих форм идеологий, социальных взаимоотношений, состояния политической культуры» (75). Политический режим близкое по содержанию к политической системе понятие, но более локализованное, менее объемное явление политической жизни. Политическая система – это сущность, содержание политической экзистенции, а политический режим – способ ее функционирования. Политические режимы бывают тоталитарные, авторитарные, демократические.

Понятие «тоталитаризм» (от лат. *totalis* – полный, целый, весь) обязано своему научному рождению итальянским исследователям Дж. Амендоле и П. Габетти, которые впервые употребили этот термин, характеризуя политический режим Б. Муссолини (76).

Для тоталитарного режима прежде всего характерна персонализация власти, которая, по словам М. Дюверже, известного социолога и политолога, профессора Сорбонны, «порой сопровождается ее обожествлением. Таким путем возрождается одна из древнейших форм авторитета... Вождь всеведущ, всемогущ, непогрешим, бесконечно добр и мудр; любое оброненное им слово представляет собой истину; всякое исходящее от него пожелание – закон... Современные технические средства позволяют сделать его поистине вездесущим; его лик на всех общественных зданиях, на любой стене, в доме каждого» (77).

Тотальный режим имеет сакральную природу, его сущность – в области трансцендентного. Его «святой» характер не может быть объектом критики, предметом для юмора. О его характере не дискутируют, воспринимая его как данность, непогрешимую реальность. Объектом религиозного поклоне-

ния и культа выступает фигура самого политического лидера. Тоталитаризм – это политическая религия. Религия перемещается в политику. Сначала религия стала основой политических идеологий, а потом социально-политические доктрины приобрели характер религиозных верований (78).

Многие тоталитарные общества построены по принципу ордена. Вхождение в состав ордена осуществляется путем вступления и путем ангажирования. При этом ангажированный видоизменяет образ мысли и жизни в значительно большей степени, чем вступивший, поскольку вступление является проявлением индивидуальной воли, а приглашение носит характер воздействия коллективной воли на индивидуальную. Ангажирование подразумевает судьбоносный выбор, тотальную ориентацию всей совокупности духовного и физического бытия. Приглашенный совершает акт самоотречения от индивидуальных установок и ценностных ориентаций. Ангажированный, как правило, не является самодостаточной личностью со сложившимися взглядами и оценками. Духовная слабость и социопсихическая закомплексованность вызывают у индивида стремление к растворению в массе. Он приносит в жертву индивидуальное во имя коллективного. Любые гражданские чувства и социально-политические доктрины, доводящие массовое сознание до экзальтации, способны наделить социальную группу чертами ордена (79). Характер ордена приобретают сельские общины, племена, нации и наднациональные объединения.

Общие признаки, характеризующие тоталитарный политический режим, совпадают с характеристикой политической системы тоталитарного типа (80).

Грань, разделяющая тоталитарный и авторитарный политические режимы, весьма условна и прозрачна. Различие кроется в степени вмешательства в личную жизнь граждан, в функционировании репрессивного механизма. При авторитарном режиме механизм подавления действует в меньшей степени. Государство контролирует в основном общественную жизнь, не вторгаясь в личную. В тоталитарном государстве сферой его интересов является вся жизнедеятельность социума. Функционирование механизма тоталитарного политического режима блестяще показана Дж. Оруэллом в его романе «1984». Образ Большого брата, по сути дела, используется в качестве политического института. Происходит деперсонализация власти. Его образ, его голос сопровождает каждого жителя Океании повсеместно. Он стал членом их семей, проник в сознание каждого.

Но может быть Большой брат – это фантом? Возможно, его не существует вовсе. Он стал политическим мифом, символизирующим сакральную власть. Может быть, Большой брат не существует физически, и его образ является защитной политической оболочкой его эпигонов. Но он живет как миф, как символ, как деперсонализированный Бог тоталитарного политического режима.

Р. Доуз и Дж. Хьюс, изучая феномен вождизма, свойственный авторитарным и тоталитарным режимам, предложили осуществить его анализ на

трех уровнях; на психологическом, на уровне социально-политических доктрин и установок, на уровне формы политической организации общества.

Появление авторитарных лидеров, согласно Доузу, происходит там, где для этого существуют предпосылки в виде традиций и готовности массового сознания к такому стилю руководства и организации политической жизни социума (81).

Типология политического лидерства осуществляется не только на основе типов легитимации и зависимости от типов политической системы. Выделяется функционально-ролевой подход, разработанный Э. де Боно, Д. Крейчем, Р. Кратчфилдом, Э. Баллаши, Б. Уореном, М. Херманн. В коллективном исследовании под редакцией Маргарет Дж. Херманн предложена типология политических лидеров на основе исполняемых ими социальных ролей и функций.

1. Лидер-вождь: формирует цели и обозначает направления развития. Обладает индивидуальной личностной способностью анализировать действительность.

2. Лидер-марионетка: основные усилия сконцентрированы на потребностях граждан. Вектор их действий направлен на социальные ожидания общества.

3. Лидер-коммивояжер: находится в зависимости от кругов и групп, на которые опирается. Выполняет роль политического агента. Должен обладать даром убеждения с целью реализации (продажи) обществу своих идей и намерений. Общество должно «купить» предложенный лидером политический продукт.

4. Лидер-«пожарник»: оперативно реагирует и решает конкретные задачи текущего дня. Характеризуется умением решать тактические задачи (82).

Д. Крейч, Р. Кратчфилд и Э. Баллаши выделяют типы лидеров, опирающихся на функции планирования и контроля, поощрения и наказания, формирования примера, арбитража, внешнего представительства (83). Б. Уоррен подразделяет лидеров на директоров и менеджеров, руководителей и исполнителей (84).

Ж. Блондель, в свою очередь, выделяет следующие типы деятельности лидеров.

1. Лидеры анализируют проблемы.
2. Вырабатывают пути и методы их решения.
3. Формируют общественное мнение с целью сделать индивидуальный путь решения проблемы официальным, признанным.
4. Осуществляют «продажу» решения социальными группами (85).

Следует отметить, что, несмотря на все различия типов политического лидерства, можно выделить существенные характеристики, которыми обладают политические лидеры различных типов.

1. Совокупность личностных черт. Специфика психофизического склада.
2. Обладание соответствующим видением политического процесса (наличие программы) и умение выражать интересы социальной группы.
3. Соответствующий общественным представлениям имидж.
4. Понимание политической психологии и политической культуры социума.
5. Умение растворяться в массе, уподобляясь ей, не теряя недостижимости и недоступности.
6. Акцентирование внимания на примате общественных интересов над личными (86).

* * *

Подводя итоги, отметим, что, характеризуя понятие политического лидерства, мы прежде всего отмечаем, что это есть власть. Неутолимая жажда власти является одним из основных механизмов, катализаторов исторических процессов. Власть может принадлежать одному лидеру или группе, обладающей властными полномочиями. Феномен лидерства тесно связан с массовым сознанием и является поведенческим понятием. Политическое лидерство носит неизбежный и универсальный характер, оно возникло параллельно и одновременно с рождением человечества. Политическое лидерство является властью, персонифицированной в личность или социальную группу.

При тесной взаимосвязи понятий «власть» и «лидерство» следует понимать, что они отнюдь не тождественны. Власть – понятие более широкое и универсальное, а лидерство – локальное проявление власти. Власть – институализированное явление. Лидерство – персонифицированное. Лидерство прежде всего – социально-психологический феномен.

Основной вклад в анализ феномена лидерства внесли исследования политической власти, типология политического лидерства и концепция «харизмы», разработанные Максом Вебером. Он осуществил градацию лидерства, базируясь на способах, типах легитимации власти, которая, в самых общих чертах, выступает как ее признание социумом, ее оправдание, обоснование права на существование, в конечном счете как позитивная общественная оценка.

Легитимация лидера является результатом рефлексии политических отношений сторон политического процесса. Она – конечный продукт восприятия лидера или властной группы массовым и индивидуальным сознанием. В.П. Пугачев и А.И. Соловьев подчеркивают: «Легитимность коренится в политической культуре населения и означает соответствие ее устройства ценностным представлениям граждан» (87). В основе типологии Вебера лежит классификация авторитета, осуществляющего властвование. Итогом ис-

следования Вебера стало выявленное тождество между типами легитимного порядка и типами политического лидерства:

- традиционное,
- рационально-легальное,
- харизматическое.

Под «харизмой» (благодатью) Вебер понимает специфические черты личности, благодаря которым она выделяется из массы и воспринимается как наделенная исключительными, сверхъестественными качествами. Понятие «харизмы», согласно его воззрениям, базируется на религиозных корнях.

Следует отметить, что Вебер оставил без внимания потенцию развития харизмы по пути ее движения от авторитета к институализации и рутинизации этого явления. Тем не менее, концепция «харизмы», созданная немецким социологом, определила направление развития социологических исследований всего XX в.

В социальной психологии феноменология авторитетного лидерства привлекает внимание исследователей с середины XIX в.

Г. Лебон ввел понятие «обаяние» для характеристики взаимоотношений вожakov и масс, отметив, что убеждения толпы принимают специальную форму, называемую «религиозным чувством». Выявив религиозный характер воздействия лидеров на массы с помощью «обаяния», понимаемого как магнетизм личностных качеств, он подошел вплотную к веберовскому понятию «харизмы». Психоанализу авторитетного лидерства посвящены и многие работы З. Фрейда. В исследование харизматического лидерства значительный вклад внес современный французский социолог С. Московичи, выдвинувший концепцию «воскресения имаго». По его мнению, харизма как феномен обладает свойствами воскрешения прошлого, пробуждения образов, скрытых в сознании. Впечатления прошлого сохраняются в коллективной памяти, подвержены оживлению и восстановлению. Союз с подсознательным миром образов вызывает реакцию подчинения масс лидеру.

При анализе политических систем и типов лидерства, им соответствующих, выделяется три способа их организации и функционирования: авторитарный, тоталитарный, демократический.

Указанные типы являются результатом научного экспериментального анализа и в чистом виде не встречаются в природе политической жизни.

Типология политического лидерства осуществляется не только на базе типов легитимации и зависимости от типов политической системы. Э. де Боно, Д. Крейчем, М. Херманн и др. был разработан функционально-ролевой подход, основанный на социальных ролях и функциях, исполняемых политическими лидерами. Такова, в самых общих чертах, методологическая база для нашего дальнейшего движения на Восток.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Myron R.* The New Leader: A revolutionary approach to effective leadership. – N-Y, 1987. – P. 107.
- (2) Политический словарь. Часть 1. – М., 1994. – С. 45.
- (3) *Weber M.* Economy & Society. – L.A., 1978. – P. 296.
- (4) *Parsons T.* The Sociological Theory & Modern Society. – N-Y, 1967. – P. 225.
- (5) *Халинов В.Р.* Власть. Основы кратологии. – М., 1995. – С. 16.
- (6) *Blondel J.* Political Leadership: Towards a general analysis. – London – Beverly-Hill – New Delhi, 1987. – P. 17.
- (7) *Tucker R.C.* Politics as Leadership. – University of Missouri Press, 1981. – P. 15–16.
- (8) *Ирхин Ю.В.* Политология. – М., 1996. – С. 115.
- (9) Political Psychology. – S-F, 1986. – P. 179.
- (10) *Blondel J.* Op. cit. – P. 7.
- (11) Ibid. – P. 9.
- (12) *Tucker R.C.* Op. cit. – P. 16.
- (13) *Burns M., McGregor J.* Leadership. – 1978. – P. 103.
- (14) Подробнее см. *Rejai M., Phillips K.* World Revolutionary Leaders. – New Brunswick, 1983; *Barber J.D.* The Presidential Character. – Prentice-Hall, 1977; *Heady B.* British Cabinet of Ministers. – L., 1974.
- (15) *Bass V.M.* Stogill's Hand book of leadership. – N-Y, 1981. – P. 43–96.
- (16) Подробнее см. *Ирхин Ю.В.* Психология и политика. – М., 1993. – С. 118.
- (17) *Ницше Ф.* Воля к власти (1889) см. Философский словарь. – М., 1987. – С. 322.
- (18) Подробнее см. *Ирхин Ю.В.* Психология и политика. – М., 1993. – С. 118.
- (19) Там же. – С. 119
- (20) *Kroeber A.* An Authropologist looks at History. – Berkeley, 1963. – P. 40.
- (21) The Encyclopedia Americana. – Vol. 7. – Danbury, Connecticut, 1987. – P. 112.
- (22) *Ирхин Ю.В.* Политология. – М., 1996. – С. 117.
- (23) *Вебер М.* Избранные произведения. – М., 1990. – С. 318.
- (24) *Ирхин Ю.В.* Политология. – М., 1996. – С. 60.
- (25) *Вебер М.* Указ. соч. – С. 634.
- (26) Там же. – С. 639–640.
- (27) Там же. – С. 640.
- (28) Там же. – С. 646–647.
- (29) Там же. – С. 646.
- (30) *Маркс К.* К критике гегелевской философии права // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. – М., 1957. – Т. 1. – С. 22.
- (31) *Weber M.* Staatssoziologie. – 1966. – P. 104; *Weber M.* The Theory of social and economic organization. – N-Y, 1947. – P. 382.
- (32) *Weber M.* Op.cit. – P. 360.
- (33) *Вебер М.* Указ. соч. – С. 647.
- (34) Там же. – С. 715.
- (35) Journal of Politics. – N-Y, 1961. – P. 24.
- (36) *Willer A.R.* The Spellbinders: Charismatic Political leadership. – New Haven, 1984. – P. 4.
- (37) *Blondel J.* Op. cit. – P. 44.
- (38) *Weber M.* Economy & Society. – N-Y, 1968. – P. 105.
- (39) *Schweitzer A.R.* Theory & political charisma // Comparative studies in society & history. – March, 1974.

- (40) *Weber M.* Op. cit. – P. 48.
- (41) *Лебон Г.* Психология народов и масс // Психология толп. – М., 1996. – С. 42.
- (42) Там же.
- (43) Там же.
- (44) Там же. – С. 70–71.
- (45) Там же. – С. 72.
- (46) Там же. – С. 75.
- (47) Там же. – С. 79.
- (48) Там же. – С. 81.
- (49) Там же. – С. 79–81.
- (50) *Лебон Г.* Психология народов и масс. – СПб, 1895. – С. 41. (*Le Bon G.* La Psychologie des foules. – P. 39).
- (51) Цит. по *Московичи С.* Век толп. – М., 1996. – С. 363.
- (52) *Московичи С.* Век толп. – М., 1996. – С. 363.
- (53) *Freud S.* Moses & Monotheism. Standart Edition. – Т. XXIII, L. – P. 101.
- (54) Цит. по *Московичи С.* Век толп. – М., 1996. – С. 364.
- (55) *Freud S.* Moses & Monotheism. – Op. cit. – P. 33.
- (56) Ibid.
- (57) *Московичи С.* Век толп. – М., 1996. – С. 348.
- (58) Там же. – С. 350–351.
- (59) Там же. – С. 352.
- (60) Там же. – С. 353.
- (61) *Лебон Г.* Указ. соч. – С. 30. (*Le Bon G.* La Psychologie des foules. – P. 28).
- (62) Там же. – С. 355.
- (63) Там же. – С. 357.
- (64) Эпиналь – французский город, знаменитый народным искусством «лубочных» картинок.
- (65) *Laplanche J., Pontalis J.B.* Vocabulaire de la psychanalyse. – Paris, 1967. – P. 196.
- (66) *Московичи С.* Цит. соч. – С. 359.
- (67) Там же. – С. 361.
- (68) Там же. – С. 361.
- (69) Там же. – С. 362.
- (70) «Вести» РТР, 16.07.1995.
- (71) *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. – М., 1977. – С. 245.
- (72) Там же. – С. 250.
- (73) *Ирхин Ю.В.* Политология. – М., 1996. – С. 228.
- (74) Там же. – С. 237–239.
- (75) Политология: Энциклопедический словарь. – М., 1993. – С. 296.
- (76) URL: <http://www.xserver.ru/user/svitt>; *Бутенко А.П.* Социологические вопросы теории и истории тоталитаризма.
- (77) *Дюверже М.* Политические партии. – М., 2000. – С. 236.
- (78) Там же. – С. 178.
- (79) Там же. – С. 179.
- (80) Характеристики авторитарных и демократических политических режимов так же совпадают с авторитарным и демократическим типом политической системы.
- (81) *Dowse R.E., Hughes J.A.* Political Sociology. – L., 1986. – P. 59–63.
- (82) Political psychology / ed. by M.G. Hermann. – S-F, 1986. – P. 177–178.
- (83) *Krech D., Crutchfield R., Ballashey E.* Individuals in Society. – N-Y, 1962. – P. 15.

- (84) Как добиться успеха: Практические советы деловым людям / под ред. В.Е. Хруцкого. – М., 1991. – С. 14–20.
(85) *Blondel J.* Op. cit. – P. 77.
(86) *Ирхин Ю.В.* Психология и политика. – М., 1993. – С. 128.
(87) *Пугачев В.П., Соловьев А.И.* Введение в политологию. – М., 1995. – С. 96.

**POWER – IS WHAT IS NEVER ENOUGH.
ABOUT THE NATURE AND TYPOLOGY
OF POLITICAL LEADERSHIP, TYPES OF POLITICAL SYSTEMS
AND REGIMES IN THE HISTORICAL PROCESS**

S. Voronin

World History Chair
Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10–2, Moscow, Russia, 117198

The author tries to explain the basic methodological approaches to the problem of political leadership, formed in historical science and political science. The author examines the classification, phenomenology strong leadership, charisma concept of Max Weber, separate stops on the typology of political systems. He opposes the so-called democratic transition and globalization of the world under the auspices of a State monopoly.

Key words: Myron, power, Blondel, sultanism, patrimonialism, family charisma.